

го языкового союза, т.е. державообразующим языком, отсюда столь острая борьба за него и с ним (пример сегодняшней Украины).

Исходя из этих позиций, современные тенденции в обучении русскому языку должны быть ориентированы не только на то, чтобы приобщить обучаемых к знанию значения слова и его функционирования, но и познакомить их с «понятиями, погруженными в культуру», «культурными концептами», базовыми духовными ценностями, в которых отражается менталитет, история и религия народа.

Предложения. Нужна особая программа «ЯЗЫК В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА», в которой найдут отражение следующие пункты. 1. Расширить гуманитарное ядро образования. 2. Учитывать речевую деятельность – показатель готовности будущего учителя к полноценной работе. 3. Ввести вводный курс о языке, куда входили бы сведения и происхождении языка и письменности, общие классификации языков по родству и структуре, знакомство с существующими словарями. Это как бы облегченный курс «Введение в языкознание», но на всех факультетах. 4. Культура речевого поведения – необходимое составляющее профессиональной культуры учителя. Поэтому необходимо ввести интегративный курс «Речевая культура» на всех факультетах. 5. На любом факультете нужно учить создавать и понимать тексты по специальности.

Литература

1. Звегинцев, В. А. Мысли о лингвистике / В. А. Звегинцев. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 335 с.
2. Флоренский, П. Сочинения в 2-х томах: Столп и утверждение истины. У водоразделов мысли / П. Флоренский. – М. : «ПРАВДА», 1990. – Т. 2 : У водоразделов мысли. – 447 с.
3. Fodor, J. Where is my mind? / J. Fodor // London Review of Books. – 2009. – № 3. – С. 13 – 15.

V. A. Maslova

Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: mvavit@tut.by

Native Language and Its Role in Education

Key words: Russian language, education, humanitarian profession.

In the article the role of the native language in the personality formation and the student's personality in particular is discussed. A new program "Language in the Educational Space of the University" is offered.

УДК 81-25(038)=161.3+162.4

Т. В. Солодовникова

Белорусский государственный университет
e-mail: tatianasolodovnikova2015@gmail.com

«Париж стоит мессы»: от диалога культур к интеграции гуманитарного знания

Ключевые слова: топоним, вторичная номинация, коннотация, национальная память, диалог культур.

В статье на примере топонимической лексики французского языка рассматривается проблематика интеграционных процессов в сфере гуманитарного знания. В рамках концепции «национальной памяти» представлен анализ топонимических выражений, вторичная семантика которых основана на значимых культурно-исторических фактах. Устанавливаются функциональные семантико-прагматические особенности данных единиц в русском / белорусском и французском языках.

«Если тебе повезло и ты в молодости жил в Париже, то, где бы ты ни был потом, он до конца дней твоих останется с тобой, потому что Париж – это праздник, который всегда с тобой».
Из письма Эрнеста Хемингуэя другу (1950 г.)

Более века назад Л. В. Щерба предложил глубокую концепцию филологического знания и обосновал его значение в общей системе образовательных ценностей. Концепция эта была тем более замечательной, что сложилась она в такое время, которое, казалось, не очень отвечало филологическим склонностям. Ведь черты нового образования ему виделись, пользуясь выражением Б. Л. Пастернака, «сквозь прошлого перипетии и годы войн и нищеты» [1]. Вопреки обстоятельствам, Л. В. Щерба провозглашал верховенство культуры в образовании, и в этом смысле он характеризовал возможности филологии и, в частности, иностранного языка как учебной дисциплины. Размышляя о тогдашних заботах большого ученого, невольно соотносишь их с положением в нашем филологическом образовании сегодня. Не входя в детали, отметим, что усиливающаяся ориентация на узко понимаемые коммуникативно-практические цели ведет к выветриванию содержательного стержня филологии. По мнению Л. В. Щербы, усваиваемая через иностранный язык «новая система понятий является функцией культуры, а эта последняя – категория историческая и находится в связи с состоянием общества и его деятельностью» [2]. Следовательно, в аспекте современных интеграционных процессов в сфере гуманитарного знания представляется нецелесообразным разъединять коммуникативные цели обучения иностранному языку, с одной стороны, и его культурно-исторические особенности – с другой.

Показательными иллюстрациями культурно обусловленных явлений в языке могут служить многочисленные факты, объясняемые с помощью концепции «национальной памяти». Ее теоретические основы были заложены французскими социологами еще в начале XX века (см., напр., работы М. Хальбвакса [3; 4], Ф. Ариеса [5], П. Нора [6] и др.), но с языковой точки зрения ее эвристические возможности начали раскрываться относительно не так давно (напр., в рамках энциклопедического цикла Ж. Анри [7], в работах Я. Асмана [8], в теории «фигур воспоминания» Н. Г. Брагиной [9]). В частности, в рамках данной концепции объясняется формирование памяти при помощи так называемых мнемонических мест, способных вызывать воспоминания. При этом «место памяти» определяется не узким географическим критерием, а как своеобразная точка пересечения пространства и времени, настоящего и ускользающего прошлого, точка, где «кристаллизуется и находит свое убежище» память общества [6, 17].

Особенно ярко семантические преломления «национальной памяти» сказываются в лексике, отмеченной признаками глубокого культурно-исторического осмысления. Примером семиотического объекта, содержание которого представляет собой исключительно богатое и сложное знаковое образование, является топоним Париж. Еще А. Петерсон указывал на наличие у топонимов значений, представляющих определенную систему градаций в сознании индивидуумов, способную обновляться и обладающую эмоциональной окрашенностью [10, 5]. Известно, что Париж – это город, столица Франции, однако в сознании как носителей, так и неносителей языка топоним Париж может «наделяться» такими ассоциативными признаками, как ‘величие’, ‘значимость’, ‘красота’, ‘высокая мода’, ‘богемный образ жизни’, ‘праздник, который всегда с тобой’ и др. Именно по причине существования подобного рода ассоциаций, на основе которых формируется культурная коннотация топонимов, появляются относительно устойчивые выражения (собственно идиомы, цитаты, поговорки): *C'est Paris qui fait les Français* букв. ‘Именно Париж создает французов’ (цитата Монтескье); *Voir Paris, et mourir* букв. ‘Увидеть Париж и умереть’ (аналогичные выражения существуют и с топонимами Рим, Неаполь, Венеция); *Avec des si, on mettrait Paris en bouteille* букв. ‘С по-

мощью «если бы», можно было бы и Париж в бутылку засунуть»; *On ne vit qu'à Paris et on végète ailleurs* (L. Gresset) букв. 'Лишь в Париже возможна жизнь, а повсюду – только существование' (Л. Грессэ); *Ne pouvoir se passer de Paris – marque de bêtise, ne plus l'aimer – signe de décadence* (G. Flaubert) букв. 'Не обходиться без Парижа – признак глупости, перестать любить его – знак упадка' (Г. Флобер). Любопытным примером взаимопроникновения культур является выражение *Paris vaut bien une messe!* букв. 'Париж стоит мессы!'. Несмотря на неоднозначную этимологию данного выражения, эти слова приписывают Генриху IV Наваррскому (XVI в.), решившему сменить веру, чтобы стать королем Франции. В период, предшествовавший его восхождению на трон, Франция сокрушалась от религиозных войн между католиками и гугенотами. Будучи гугенотом, Генрих Наваррский был вынужден принять католичество, что он и сделал, восклицая при этом: Париж стоит мессы! Однако никаких официальных документов на этот счет не обнаружено. Согласно другой версии, эти слова приписываются герцогу Сюлли, верному сподвижнику и соратнику Генриха IV. В настоящее время это выражение в значении пойти на серьезный компромисс ради существенной выгоды используется как во французском, так и в русском языках.

Вместе с тем далеко не всегда подобного рода выражения образуют семантически и функционально параллельные значения, причем не только в сопоставлении с другим языком, но и в рамках языка – источника. Так, к примеру, во французском языке есть выражение с топонимом *C'est Verdun!* букв. 'Это Верден!'. Примечательно, что данное выражение имеет два переносных значения – 'кровавая бойня' / 'мясорубка' и 'победа'. Обратимся к истории. В основе вторичной семантики топонима Верден – сражение между немецкими и французскими войсками во время Первой мировой войны на Западном фронте, проводившихся с 21 февраля по 18 декабря 1916 г. Одна из крупнейших, самых кровопролитных и самых бессмысленных военных операций в истории Первой мировой войны, вошедшее в историю как Верденская мясорубка. Никаких тактических и стратегических результатов сражение не принесло – к декабрю 1916 года линия фронта сдвинулась до рубежей, занимавших обеими армиями к 25 февраля 1916 года. В течение Верденского сражения обе стороны потеряли около миллиона человек, среди которых убитыми – до 430 тыс. человек. Под Верденом впервые получили широкое применение легкие пулеметы, ружейные гранатометы, огнеметы и химические снаряды. Вместе с тем, французы воспринимают итог данной битвы как победу, так как стратегический план германской кампании вывести из войны Францию одним сильным и непродолжительным ударом потерпел поражение. Отсюда и противоположные значения.

Приведем еще один пример, вторичная семантика которого будет обусловлена не только историческим фактом, но и национальной принадлежностью. *Rencontrer son Waterloo* букв. 'Встретить свое Ватерлоо', т.е. потерпеть сокрушительное поражение, неудачу'. Ватерлоо – небольшой бельгийский город в 20 км. от Брюсселя, где в 18 июня 1815 г. произошло последнее крупное сражение армии Наполеона с Седьмой коалицией европейских монархов, в результате чего французская армия была окончательно разгромлена, а Наполеон Бонапарт отрекся от престола и был сослан на остров Святой Елены, где он впоследствии и скончался. Причины, по которым Ватерлоо для французов – это «сокрушительное поражение», очевидны. Так, напр., Ватерлоо для французов – это и одноименная песня шведского квартета Abba, где с первых строк песни *Waterloo* представляется как «знаковое событие», а значение 'поражение' вводится в канву описываемых событий, и связь с творчеством В. Гюго, описавшего битву при Ватерлоо в поэме «Искушение» из цикла «Легенда веков». Любопытно, что для англичан этот топоним стал синонимом «победы», «исторически значимого события». О важности данного события свидетельствуют следующие факты. Пять городов в Великобритании и крупнейший вокзал в Лондоне названы в его честь – Ватерлоо, равно как и тридцать два населенных пункта в Северной Америке. В 2004 г. на о. Ватерлоо в Антарктиде россиянами воздвигнут православный

храм Святой Троицы. Произошедшие в Ватерлоо события описываются и у В. Скотта в поэме «Поле Ватерлоо» (1815), и у Стендаля в романе «Пармская обитель» (1839), и в романе У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» (1848), и В. Гюго в романе «Отверженные» (1862) и в цикле «Легенды веков» (1859-1883), и у А. К. Дойля «Великая тень» (1892), и у С. Цвейга «Невозвратимое мгновение» (1981) и др.

Интересным примером, подобным Ватерлоо, предстает и выражение *C'est (la vraie) Bérézina!* букв. «Это (настоящая) Березина!», широко используемое во французском языке в значении «поражение», «катастрофа». Вторичная семантика данного топонима, как и в приведенных выше примерах, основана на историческом факте: сокрушительный разгром армии Наполеона во время военной кампании 1812 г. у реки Березина (правый приток Днепра, протекающий в Беларуси у городов Борисов, Березино, Бобруйск, Светлогорск). Однако если для французов этот факт явился особо значимым и символическим, в результате чего и появилось значение «поражение», «катастрофа», то в русском / белорусском языке такая параллель отсутствует, что, вероятно, связано с аксиологическими характеристиками данного события для русского / белорусского народа. Факты подобного можно также объяснить существованием так называемого культурно-информационного контекста вокруг топонимических единиц, обозначающих важное историческое событие: пока топоним *Waterloo* или *Bérézina* использовался носителями языка для обозначения конкретного значимого явления, он был распространенным в значении «крах, поражение». Отражаясь в художественном восприятии носителей французской культуры (песни, литературные произведения, памятники архитектуры и т.п.), ассоциативный фон топонима меняется, становится более разнообразным. В то же время жители бывшего СССР в силу идеологических соображений были ограждены от влияния западной культуры, доступ к новому был достаточно лимитирован, поэтому в нашей стране определенные песни, литературные произведения не получили распространения.

Подчеркнем, что подобные единицы являются широко известными и высокочастотными в современном французском языке (подробнее см. [11; 12]). Любопытные примеры обнаруживаем на материале французского общественно-политического Юманите (*L'Humanité*): *Le premier ministre se croyait à Verdun. C'était la Berezina. Ses troupes, ses inspireurs avaient fui les premières lignes sous la tempête* (*L'Humanité*, le 29 Mars 1994) букв. «Премьер-министр полагал, что он в Вердене. Но это была Березина. Его войска, его вдохновители сбежали с передовых позиций, увидев бурю». Или: *M. Giraud qui, face au mouvement des jeunes, se croyait à Verdun alors qu'il était déjà à Waterloo, est décidément inénarrable* (*L'Humanité*, le 6 Avr. 1994) букв. «Г-н Жиро, который перед лицом молодежного движения полагал, что он в Вердене, в то время как он уже был в Ватерлоо, выглядит весьма забавно». В приведенных примерах описывается ситуация во Франции в 1994 г., когда правительством Э. Балладюра для борьбы с безработицей среди молодежи было принято решение о введении контракта профессиональной интеграции, однако условия предложенного контракта вызвали волну протестов со стороны студентов и профсоюзов. Впоследствии Э. Балладюр был вынужден отменить введение данного контракта.

В качестве заключения отметим, что топонимы – это единицы, обладающие способностью управлять присутствием прошлого в настоящем, каждая из которых наделена своим смыслом, согласующимся с потребностью создававших ее людей отметить значимость прошлого и разобраться со своим наследием. Подобные вербальные способы выражения обладают способностью вступать в отношения синонимического и антонимического характера со средствами иной кодовой природы, чем мотивируется обращение к семиотическим понятиям. Такая методология предполагает широкое понимание «языковых» средств культуры, в число которых, вместе с естественным языком, включаются разные по строению и функциональной мощи знаковые комплексы. По су-

ти, такая семиотика показывает путь, на котором могут найти знаковое сочленение две стороны культуры, часто выделяемые как материальная и духовная стороны жизни.

На сегодняшний день, становится очевидным, что диалог культур, интеграция социально-гуманитарного знания – не просто гипотетические высказывания отдельных исследователей, не безосновательные умозаключения мыслителей, – а императив современной науки, остро нуждающейся в кооперации специалистов самых различных областей общественно-гуманитарных наук.

Литература

1. Пастернак, Б. На ранних поездах. 1941 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slova.org.ru/pasternak/narannikhpoezdakh/>. – Дата доступа: 28.01.2019.
2. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность: Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
3. Halbwachs, M. La Memoire collective / M. Halbwachs. – Paris: PUF, 1968. – 204 p.
4. Halbwachs, M. Les cadres sociaux de la memoire / M. Halbwachs. – Paris: PUF: Nouvelle Edition, 1952. – 299 p.
5. Aries, Ph. Le temps de l'histoire / Ph. Aries. – Monaco: Editions du Rocher, 1954. – 325 p.
6. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция – память: антология. – СПб.: СПбГУ, 1999. – 328 с.
7. Henry, G. Petit dictionnaire des lieux qui racontent l'histoire / G. Henry // Introduction. – Paris: Tallandier, 1998. – 240 p.
8. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
9. Брагина, Н. Г. Память в языке и культуре / Н. Г. Брагина. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 520 с.
10. Peterson, A. Le passage populaire du nom personne à l'état de noms communs dans les langues romanes et particulièrement en français – Etude sémantique / A. Peterson. – Uppsala: Appelbergs Boktryckeri Aktiebolag, 1929. – 221 p.
11. Солодовникова (Кожарина), Т. В. Экспериментальное исследование коннотативных топонимов в семантико-прагматическом аспекте (на материале французского языка) / Т. В. Кожарина. – Минск: Право и экономика, 2012. – 94 с.
12. Солодовникова (Кожарина), Т. В. Французская топонимия в семантико-прагматическом аспекте (на материале французских СМИ): монография / Т. В. Кожарина. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – 179 с.

T. V. Saladounikava

Belarusian State University

e-mail: tatianasolodovnikova2015@gmail.com

“Paris is worth a mass”: from dialogue of cultures to integration of humanitarian knowledge

Key words: toponym, secondary nomination, connotation, national memory, dialogue of cultures.

The article considers the problems of integration processes in the field of humanitarian knowledge on the example of toponymic vocabulary of the French language. Within the framework of the concept of «national memory» the analysis of toponymic expressions is presented, the secondary semantics of which is based on significant cultural and historical facts. Functional semantic and pragmatic features of these units in the Russian / Belarusian and French languages are established.